

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Расширенная Вселенная

Роберт Энсон Хайнлайн

Расширенная Вселенная

Серия «Звезды мировой фантастики (Азбука)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51776451

*Расширенная Вселенная:
ISBN 978-5-389-18257-8*

Аннотация

«Расширенная Вселенная» Роберта Э. Хайнлайна – это не только фантастическая сторона его творчества, это видение мира будущего зоркими глазами провидца, человека, предостерегающего человечество от безумных действий и непоправимых решений, болеющего за нашу планету, за зеленые холмы Земли, о которых пел слепой бард в знаменитом рассказе. Сборник объединяет и художественные произведения, и мысли по поводу, и заметки о долгом литературном пути писателя.

«Я надеюсь, – пишет в предисловии автор, – эта моя книга вам придется по сердцу. Выдумка в ней видна явно, правда – вроде бы как правдива (насколько я мог себе это позволить), а зияющие по тексту пробелы я заполнил разными пустяками, чередующимися между понятиями „назидательность“ и „бредовость“».

Мы тоже надеемся вместе с автором, что книга вам придется по сердцу.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие автора	6
Линия жизни	11
Успешная операция	48
Взрыв всегда возможен[11]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Роберт Хайнлайн

Расширенная Вселенная

Уильяму Таргу

© А. Волнов, перевод, 1994

© С. В. Голд, перевод, 2020

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994

© А. Дмитриев, перевод, 1991

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 1994

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2019

© М. Б. Левин, перевод, 1994

© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 1965

© А. А. Петрушина, перевод, 2020

© С. П. Трофимов, перевод, 1994

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Предисловие автора

ВНИМАНИЕ! Трезвый подход к рекламе обязан предупредить читателя, что книга основана на сборнике «Миры Роберта Э. Хайнлайна», опубликованном в 1966 году. Но эта книга примерно в три раза толще, чем та. В ней есть рассказы, которые никогда прежде в книжном виде не публиковались, научно-популярные статьи, которых вы нигде, кроме как здесь, не прочитаете, новые варианты моих прогнозов на будущее (тридцать лет как-никак прошло!), начиная с 1950 года (а также пятнадцатилетнее обновление, опубликованное в «Мирах Р. Э. Х.»), с теми же путаными объяснениями, почему я угадал на этот раз, а также (барабанная дробь!) не один, а целых *два* сценария на 2000-й год: первый – для тех, кто любит хеппи-эндовские, со счастьем, концовки, а другой – для тех, кто, не дрогнув, способен выслушать жутчайшие новости – пока в них рассказывают о людях посторонних и не очень важных для вас.

И уж в этих-то сценариях я себя никак не сдерживал, потому что с вероятностью 99,92 % (по формуле, которую недавно вывел) к 2000 году не станет либо меня, либо всей этой так называемой цивилизации. Так что вряд ли придется мне кому-либо объяснять свои промахи и ошибки.

Только не думайте, что не станет меня одного. Мой прапрадедушка Лоуренс Хайнлайн умер преждевременно, в

возрасте девяноста семи лет. Зимним утром он вышел сдуру из своей хижины без ружья и увидел на льду посередине пруда оленя. То, что не было ружья, не остановило моего прапрапрадеда: ну как же так, чтобы от него сбежал мешок с мясом. Он ступил на лед и завалил оленя, вполне успешно.

Но, одолев оленя, мой предок поскользнулся на льду, упал, и кончик оленьего рога проник между его ребрами и вошел в сердце.

Естественно, этот случай преподал ему хороший урок – и, безусловно, научил кой-чему и меня. На сегодняшний день я трижды проанализировал свои шансы и продолжаю жить, хотя официальный прогноз требовал от меня другого, гораздо более серьезного решения. Поэтому я предпочитаю быть осторожным и не собираюсь откинуть ноги в расцвете лет, как мой недоумок-предок. Я не стану валить оленей, переходить улицу на красный свет, совать руки в места, облюбованные ядовитыми пауками, и – особенно! – покидать безоружным свое жилище.

Пожалуй, самое приятное в нашей жизни – это знать, что у тебя нет врагов. И самый простой способ познать приятное – их, врагов, пережить. Для этого не нужно что-то предпринимать, время все за нас сделает.

В этом мирном крестовом походе я оказался на удивление успешным; большинство подлецов мертвы... а трое выживших плохи очень. График мой указывает на то, что к концу 1984 года у меня врагов в мире не останется вообще.

Конечно, моим врагом может назначить себя любой (все мои враги – самовыдвиженцы), но я бы удивился, если бы такое маловероятное событие сильно повлияло на график. Похоже, тут замешано какое-то безымянное экстрасенсорное воздействие; статистика показывает, что ненавидеть меня вредно для чьего бы то ни было здоровья.

Сам я не имею к этому никакого отношения. Персонаж может находиться на расстоянии более тысячи миль, а я делаю все возможное, чтобы следовать совету сержанта Догберри¹; тем не менее это происходит: мой герой начинает терять вес, страдать от бессонницы и ночных кошмаров, головных болей, проблем с желудком и через некоторое время начинает слышать голоса.

Конечные стадии сильно различаются. В любом случае они неприятны, и я не должен говорить о таких вещах, потому как мне поручено написать слова, которые убедят вас купить эту книгу, несмотря на то что она почти на треть совпадает с той, которую вы, возможно, уже читали.

За исключением предисловия, все вещи в этой книге расположены в том порядке, в каком они были написаны, почти каждая с комментарием – почему и по какой причине они были сочинены (деньги, как правило, ну и... ну, в общем, деньги), – и в комментариях я рассказываю о том, что напи-

---

¹ *Сержант Догберри* – персонаж пьесы У. Шекспира «Много шума из ничего». В акте 3 сцена 3 он говорит: «А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства» (перевод Т. Щепкиной-Куперник). – *Примеч. С. В. Голд.*

сал или сделал между этой вещью и следующей.

Разница между написанным сорок, примерно, лет. Но это не мои мемуары за прошедшие четыре десятилетия. Писательский бизнес не то занятие, что оставляет за собой забавные воспоминания (да-да, я имею в виду тебя, тебя, тебя и особенно *тебя*). Писатель проводит свое рабочее время в одиночном заключении: не отвечает на телефонные звонки, не принимает посетителей, сидит в окружении скучных справочников и кучи бумаг. Кульминация его рабочего дня наступает, когда он, затаив дыхание, с волнением ждет прихода почтальона (обычно сразу вслед за этим происходит стремительный спад).

Как же рассказать обо всем этом? Ответ: написать о том, что делал этот бумагомарака в тот момент, когда он или *не писал*, или просто выдумывал, или то и другое одновременно. Да, обычно и то и другое одновременно.

Я мог бы оставить неплохие воспоминания о делах, которыми я занимался, когда не был связан с литературой. Но я не стану этого делать, потому что: а) надеюсь, что все это благополучно забудется. И – б): все, что не забыто, подпадает под действие закона о сроках давности.

И еще: я надеюсь, эта моя книга вам придется по сердцу. Выдумка в ней видна явно, правда – вроде бы как правдива (насколько я мог себе это позволить), а зияющие по тексту пробелы я заполнил разными пустяками, чередующимися между понятиями «назидательность» и «брედовость».

Каждый экземпляр гарантированно (в противном случае вам вернут его стоимость – *удвоенную!*) напечатан на *реальной* бумаге и содержит достаточное количество страниц, чтобы заполнить пробел между обложками.

Р. Э. Х., 1980 г.

Линия жизни

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало 1939 года я встретил полностью на мели после провальной политической кампании (я пришел вторым, с очень хорошим результатом, но в политике не дают призов за вторые места или за артистизм). Я был высококвалифицированным специалистом по артиллерии, боеприпасам и управлению огнем на военных судах – умения, на которые не было спроса на берегу; бумажка за подписью министра ВМФ сообщала, что в море я бесполезный балласт; «полный пожизненный инвалид» – так они написали. А на руках у меня была неподъемная ипотека.

Примерно в это время в «Thrilling Wonder Stories» запустили рекламу, в которой говорилось что-то вроде того:

КОНКУРС! ГИГАНТСКИЕ ПРИЗЫ —

писателям-непрофессионалам!!!!!!

Первое место \$50 – Пятьдесят! Долларов! – \$50!

В 1939 году продуктами на пятьдесят долларов можно было заполнить три универсала². Сегодня я могу принести продуктов на пятьдесят долларов из магазина без посторонней

---

² *Универсал* – легковой автомобиль с кузовом. – *Примеч. С. В. Голд.*

помощи, – возможно, я стал сильнее. В общем, я написал рассказ «Линия жизни». Мне на это потребовалось четыре дня – я медленно печатаю на машинке. Но я не стал посылать его в «Thrilling Wonder»; я отправил его в «Astounding», сообразив, что они-то вряд ли завалены рассказами любителей-непрофессионалов. «Astounding» купил рассказ... за 70 долларов. То есть заплатил на 20 долларов больше, чем пресловутый Гран-при, – и, как нетрудно догадаться, с тех пор я больше не искал себе честной работы.

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали – по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его безучастное, слегка надменное лицо было спокойно. Председатель повернулся к докладчику, в его голосе слышались едва сдерживаемые гнев и раздражение.

– Доктор Пинеро, – сказал он, выделив голосом первое слово, – я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о достоинстве, присущем людям науки, и позволить себе прерывать докладчика – независимо от того, насколько... – он сделал паузу и пожевал губами, – насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы счесть откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

– Мне хотелось бы, чтобы программа сегодняшнего заседания завершилась на достойной ноте и в соответствии с регламентом. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден вас попросить воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

– Но как же я смогу донести до вас новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? – Пинеро театрально воздел свои пухлые белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

– Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

– Джентльмены! Прошу вас! – и обратился к Пинеро: – Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

– Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

– Верно. – Председатель снова пожевал губами. – Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая

желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся – все той же раздражающей улыбкой:

– Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не будет покупать у Бидуэлла его прекрасные полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, поэтому Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро демонстративно повернулся к залу спиной. Ропот в зале все нарастал, в нем послышались угрожающие ноты. Председатель тщетно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

– Господин председатель!

Председатель решил не упускать шанса и прокричал:

– Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван Рейнсмитту!

Волнение в зале утихло.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид непременного участника заседаний дамских благотворительных обществ.

– Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд огласит приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае, – он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, – если нам неизвестен университет, присвоивший ему ученую степень³. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно – чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует узнать их. – Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. – Если манеры досточтимого доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять тот круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и спонсор попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван Рейнсмитт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию интеллек-

---

³ На Западе правом присвоить ученую степень обладает любой университет, поэтому одна и та же степень может оказаться почетной, будь она присуждена престижным учебным заведением, и не вызвать ни малейшего уважения, если ее присудил малоизвестный университет.

туального лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты стихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

– Вы продолжите, доктор Пинеро?

– Зачем?

Председатель пожал плечами:

– Вы для этого и пришли.

Пинеро оживился:

– Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно – приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный взглянуть в лицо голым фактам и не покраснеть? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку – примет ли он истину? А вы все – примете? Тем не менее, если я не стану продолжать, вы припишете победу себе. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие человечки, изобличили меня, Пинеро, как мошенника и шарлатана. Это меня не устраивает. Я буду говорить.

Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел

метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда черный верблюд преклонит колени у ваших дверей⁴. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Несколько мгновений в зале царила тишина, потом начал нарастать беспокойный гул.

– Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? – спросил наконец председатель.

– А что еще говорить?

– Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

– Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, другой мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, – он похлопал себя по груди, – для самого себя.

– Но как мы узнаем, что у вас есть что-то, кроме ваших нелепых претензий?

– Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает – прекрасно, вы примете его и объявите об

---

⁴ В исламской традиции черный верблюд соответствует христианскому ангелу смерти, он увозит души умерших. Но в Коране о нем не упоминается, так как он порождение народных верований.

этом всему миру. Если же нет – я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий сутулый человек. Председатель дал ему слово, и тот заявил:

– Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Пинеро ответил, не дожидаясь разрешения председателя:

– Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? У меня есть предложение: позвольте мне обследовать всех присутствующих в этом зале, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. – Он свирепо оглядел аудиторию. – Вы согласны?

Следующим поднялся толстый мужчина. Он заговорил ровным, размеренным голосом:

– Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Как врач, я с сожалением отмечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдаю-

щегося докладчика или нет.

Его тут же поддержал другой оратор:

– Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти шаманские трюки? Я убежден, что субъект, именующий себя *доктором* Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом фарсе, мы играем ему на руку. Не знаю, что он задумал, но мы ему нужны для рекламы его аферы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту нашей повестки.

Предложение было встречено одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» – он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

– Варвары! Дегенераты! Бестолочи! Ваша порода мешала признанию всех великих открытий с начала времен! Из-за вашей компании невежд Галилей переворачивается в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, называет себя врачом. «Знахарь» – было бы точнее! А тот лысый коротышка – да-да, вы! – вы называете себя философом и несете чушь о времени и жизни в чистых категориях. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! – Он плюнул на пол. – И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи своих энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот

момент его взяли с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв в заседании.

Газетчики перехватили Пинеро у служебного выхода, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В докторе не было и следа воинственности, которую он демонстрировал минуту назад. Репортеры окружили его:

– Как насчет интервью, док?

– Ваши взгляды на современное образование?

– Ну и высыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?

– Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

– По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили его сигарами. Пинеро одарил гостей лучезарной улыбкой:

– Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон?

Управившись с напитками, он приступил к делу:

– Итак, ребята, что вас интересует?

– Выкладывайте начистоту, док, есть у вас что-то или нет?

– Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

– Вот и расскажите, как оно работает. Та чушь, которую вы втирали профессорам, с нами не пройдет.

– Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я все выложу первому встречному?

– Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

– Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

– Охотно! Это уже деловой разговор.

Пинеро проводил их в соседнюю комнату и махнул рукой:

– Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно – даже о назначении установки.

– На каком принципе эта штукавина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

– Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это трюизм. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слы-

шали, вероятно, что время – это четвертое измерение. Не важно, верите вы в это или нет. Об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, попытайтесь ощутить эмоционально. – Он подошел к одному из репортеров. – Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шесть футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. За вами тянется во времени остальная часть пространственно-временного объекта, заканчиваясь примерно в тысяча девятьсот шестнадцатом году. А то, что мы видим сейчас, – поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и размерами соответствующий текущему моменту. На одном конце объекта – младенец, пахнущий кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом конце, возможно где-то в восьмидесятых, – старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы: один его конец во чреве матери, а другой – в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение кажется нам одним обособленным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянуще-

гося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность вида в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле вид похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И наблюдая перед собой лишь поперечные сечения лозы, мы пребываем в заблуждении, считая ростки отдельными личностями.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, мрачный парень с упрямой физиономией, поинтересовался:

– Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

– Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слыхали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашими розовыми червяками. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря – когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно – вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

– Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о виде как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать дату рождения, потому что связь с видом при рождении не прерывается. Ваш электрический проводник проходит через мать и ведет к самым ранним предкам человека.

Пинеро расцвел:

– Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолокатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, правильно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

– Ну а теперь покажите, как это делается!

– С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

– Ага! – сказал один из репортеров. – Он поймал тебя на слове, Люк. Соглашайся или заткнись.

– Я в игре. Что мне делать?

– Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

– И что теперь?

– Снимите верхнюю одежду и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

– К чему вся эта болтовня?

– Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь – не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Током вас не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился к аппарату. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он опустил над собой защитный козырек. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро из своего укрытия объявил:

– У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

– Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

– Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

– Проверьте меня, док!

– Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

– И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под козырек, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

– Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

– Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка:

– Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольнo потирая руки:

– Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

– Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?⁵

---

⁵ Выражение обязано своим происхождением телеграфу; тремя иксами или римской цифрой «тридцать» телеграфисты обозначали окончание сообщения. Газетчики, подхватившие у них эту привычку, стали ставить значок в конце статьи, откуда пошли три разделяющие абзацы звездочки. Позже стало эвфемизмом

– Да, как насчет этого? – поддержал Люк. – Каков результат?

Пинеро сморщился, словно от боли:

– Джентльмены, вы меня удивляете! Я не раздаю эту информацию бесплатно. И никогда не сообщаю ее никому, кроме клиента, который у меня консультируется.

– Я не против, док. Давайте скажите им!

– Мне очень жаль, но я действительно должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурок:

– Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вызнал возраст каждого репортера в городе, чтобы подготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

– Вы женаты, друг мой?

– Нет.

– Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Или близкие родственники?

– Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

– Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

«УЧЕНОЕ СОБРАНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ СКАНДАЛОМ»

«УЧЕНЬЙ-ЗУБРИЛКА РАЗДАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЯ»
«КОМПОСТЕР СМЕРТИ НА ВАШИХ ТАБЕЛЬНЫХ
ЧАСАХ»

«ЖУРНАЛИСТ УМИРАЕТ, КАК ДОКТОР ПРОПИ-
САЛ»

«„МОШЕННИЧЕСТВО“, – УТВЕРЖДАЕТ УЧЕНЬЙ
СОВЕТ»

«...Через двадцать минут после необыкновенного пред-
сказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к
офису „Дейли геральд“, где он работал, был сбит с ног упав-
шей вывеской и скончался.

Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее,
но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помо-
щи своего так называемого хроновитаметра. Начальник по-
лиции Рой...»

Вас беспокоит БУДУЩЕЕ???

Не тратьте деньги на гадалок – обращайтесь к доктору
Хьюго Пинеро, биоконсультанту. С помощью непогреши-
мых методов науки он поможет Вам спланировать Ваше бу-
дущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов».

Наши предсказания обеспечены обязательством на \$10
000.

Проспекты высылаются по требованию.

ПЕСКИ ВРЕМЕН, инкорпорейтед.

Мажестик-билдинг, № 700

(на правах рекламы)

Официальное уведомление

Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на сохранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями.

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро и/или «Пески времен, инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину, в зависимости от того, какое событие произойдет раньше.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в Первый независимый национальный банк этого города.

Подписано и заверено:

Джон Кэбот Уинтроп III

Подписано и заверено в моем присутствии
во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон,
нотариус графства и штата.

Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года.

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели! Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и пока еще никто не потребовал от него залоговую сумму, которую он обещал выплатить любому, кто поймает его на ошибке. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что у него есть личный канал связи с офисом старухи с косой. Что до меня, то это одна из тех новостей, которые я не хочу узнавать до того, как все произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

– Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к нашим баранам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именуется обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оста-

вить риторику и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка, и продолжил:

– С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

– Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

– Формально – да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных⁶ и финансовых учреждений, а значит, их акционерами и держателями полисов является большинство наших граждан. Кроме того, мы считаем, что защищаем интересы всего населения – неорганизованного, безмолвствующего и не защищенного иным образом.

– Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, – сухо заметил судья. – Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя вашего официального клиента. Но продолжайте: каковы ваши доводы?

Пожилой барристер⁷ безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

---

⁶ То есть основанных на доверии. К фидуциарным обществам относятся общества взаимного кредита, взаимного страхования, товарищества на доверии и др.

⁷ *Барристер* – адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах (уголовном, гражданском, морском и т. д.).

– Ваша честь, мы утверждаем, что существуют две независимые причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин по отдельности было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он – обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он гораздо умнее обычной цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога или медиума и потому более опасен. Он обманывает, ссылаясь на современные научные методы, чтобы придать убедительность своему волхвованию. Мы пригласили в суд ведущих представителей Академии наук, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний.

Во-вторых, даже если притязания этого человека справедливы – допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение, – мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, – мы утверждаем, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьез-

ный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места:

– Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

– Что именно?

– Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

– Ваша честь, – прервал его Уимс, – это абсолютно противоречит правилам.

– Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. По-моему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.

– Благодарю, ваша честь. Прежде всего, рассмотрев последнее утверждение мистера Уимса, я готов признать, что публиковал те высказывания, о которых он говорил...

– Минуточку, доктор. Вы решили сами выступать в качестве своего адвоката? Вы уверены, что способны защитить свои интересы?

– Я готов рискнуть, ваша честь. Наши друзья смогут легко доказать лишь то, что я и сам готов признать.

– Отлично. Можете продолжать.

– Я признаю, что многие аннулировали страховые полисы вследствие моей деятельности, но мои оппоненты не смогут доказать, что понесли в результате какие-либо убытки

или потерпели ущерб. Я признаю, что «Смешанному страхованию жизни» в результате моей деятельности причинен ущерб, но ведь это естественное следствие моего открытия, которое сделало полисы столь же устаревшими, как лук и стрелы. Если на таком основании можно налагать запрет, то я создам фабрику керосиновых ламп, а потом обращусь в суд с просьбой наложить запрет на деятельность компаний «Эдисон» и «Дженерал электрик» и отказать им в праве производить лампы накаливания.

Я признаю, что занимаюсь предсказанием смертей, но отрицаю, что практикую магию черного, белого или радужного цвета. Если предвидение при помощи точных научных методов является противозаконным, то служащие «Смешанного» занимаются противозаконным бизнесом многие годы, поскольку заранее рассчитывают точный процент тех, кто умрет в течение года из любой данной большой группы населения. Я предсказываю смерть в розницу, «Смешанное» предрекает ее оптом. Если их действия законны, как могут быть незаконными мои?

Согласен, многое зависит от того, могу ли я в действительности делать то, на что претендую. Так называемые эксперты из Академии наук будут свидетельствовать, что нет. Но они ничего не знают о моем методе и потому не в состоянии дать обоснованное заключение о его сути...

– Минуточку, доктор. Мистер Уимс, правда ли, что ваши эксперты не знакомы с теорией доктора Пинеро и его мето-

дами?

Мистер Уимс выглядел обеспокоенным. Побарабанив пальцами по столу, он сказал:

– Позволит ли мне суд несколько минут посовещаться с клиентами?

– Разумеется.

Мистер Уимс торопливо пошептался со своей командой, потом повернулся к судье:

– У нас есть предложение, ваша честь. Если доктор Пинеро объяснит сейчас теорию и практику своего так называемого метода, эти выдающиеся ученые смогут изложить суду свое мнение о степени обоснованности его претензий.

Судья обратился к Пинеро вопрошающий взгляд.

– Добровольно я на это не пойду, – ответил Пинеро. – Справедлива моя теория или нет, но, попав в руки мошенников и невежд, она может стать опасной. – Он сделал жест в сторону группы профессоров, сидящих в первом ряду, помолчал и зло усмехнулся. – И они сами это прекрасно знают. Кроме того, нет никакой нужды понимать процесс, чтобы убедиться в его результативности. Разве есть нужда постигать сокровенное таинство биологического воспроизводства, чтобы прийти к выводу, что курица несет яйца? Разве я обязан переучивать всю эту компанию людей, самозванно назначивших себя хранителями мудрости, избавлять их от врожденных суеверий, чтобы доказать, что мои предсказания верны? В науке существуют лишь два метода фор-

мирования мнения: эмпирический и схоластический. Человек может либо судить по результатам эксперимента, либо слепо поверить авторитету. Для научно ориентированного ума экспериментальное доказательство является самым главным, теория для него – лишь удобное средство для описания явления. Когда теория перестает соответствовать фактам, ее отправляют на свалку. Для академического ума авторитет абсолютен, и на свалку отправляются факты, если они перестают соответствовать теории, выдвинутой авторитетом.

Именно такова точка зрения академических умов, как устрицы к раковинам, приросших к отжившим теориям, – всегда препятствовать развитию знания. Я готов экспериментально доказать действенность моего метода; как Галилей на суде, я утверждаю: «И все-таки она вертится!»

Однажды я уже предлагал этим самозванным экспертам провести такой эксперимент, но они отказались. Я вновь возвращаюсь к своему предложению: позвольте мне измерить продолжительность жизни членов Академии наук. Пусть они сформируют комитет для рассмотрения результатов. Я запечатаю свои данные в два комплекта конвертов: в одном комплекте на каждом конверте будет написано имя академика, а внутри – дата его смерти. На других конвертах я помещу даты, а внутрь вложу имена. Пусть комитет положит конверты в сейф и затем собирается время от времени, чтобы вскрыть надлежащие конверты. В такой большой группе людей, если

верить актуариям⁸ «Смешанного», каждые одну-две недели кто-нибудь да умирает. Таким образом они быстро накопят данные, чтобы установить, жлет Пинеро или нет.

Он замолчал и выпятил впалую грудь настолько, что она почти сравнялась с его круглым брюшком. Он свирепо взглянул на вспотевших от волнения ученых мужей:

– Ну так как же?

Судья поднял брови и посмотрел в глаза мистеру Уимсу:

– Вы принимаете?

– Ваша честь, я считаю предложение совершенно неуместным...

Судья оборвал его:

– Предупреждаю, что вынесу постановление не в вашу пользу, если вы не примете этого предложения или сами не предложите столь же разумного способа установления истины.

Уимс открыл было рот, потом передумал, взглянул на свидетелей-академиков и повернулся к судье:

– Мы принимаем, ваша честь.

– Прекрасно. О деталях договоритесь между собой. Временный запрет отменяется, никто не вправе препятствовать доктору Пинеро заниматься своим бизнесом. Решение по иску о постоянном запрете откладывается с последующим возвратом к делу после сбора необходимых данных. Прежде чем

---

⁸ *Актуарий* – специалист по технике страхования, занимающийся расчетами страховых взносов, премий и т. д.

покончить с этим делом, я хотел бы прокомментировать теорию, на которой вы, мистер Уимс, косвенно основывали свое заявление об ущербе, причиненном вашему клиенту. В умах определенных общественных групп в этой стране утвердилось представление, что, если человек или корпорация в течение ряда лет каким-либо образом зарабатывают на гражданах, правительство и суды обязаны гарантировать им этот заработок в будущем, даже при изменении обстоятельств и вопреки общественным интересам. Эта странная доктрина не подкрепляется ни юридическими установками, ни законом. Ни человек, ни корпорация не имеют никакого права обращаться в суд с просьбой ради их частной выгоды остановить или повернуть вспять ход истории. Это все.

Бидуэлл недовольно проворчал:

– Уимс, если вы не придумаете ничего лучшего, «Смешанному» придется подыскать себе нового юрисконсульта. Вот уже десять недель, как вы проиграли дело, этот сморчок гребет деньги лопатой, а все страховые компании в стране на грани краха. Хосткинс, как у нас обстоит с потерями?

– Трудно сказать, мистер Бидуэлл. Дело с каждым днем идет все хуже. На этой неделе мы выплатили по тринадцати большим полисам; все они были выписаны после того, как Пинеро возобновил свои сеансы.

В разговор включился маленький худощавый человек:

– Я думаю, Бидуэлл, мы в «Объединенном» не должны

принимать никаких новых заявок от клиентов, пока не убедимся в том, что они не консультировались у Пинеро. Разве мы не можем подождать, пока эти ученые разоблачат его?

Бидуэлл фыркнул:

– Ты, чертов оптимист! Они не разоблачат его, Олдрич, неужели ты не можешь взглянуть в лицо фактам? У этого маленького пузыря что-то есть, хоть я и не понимаю что. Нам предстоит борьба до конца. Если мы будем ждать, мы обречены. – Он швырнул сигару в пепельницу и свирепо откусил кончик новой. – Убирайтесь отсюда, вы все! Я займусь этим сам. И ты тоже, Олдрич. «Объединенное» может ждать, но «Смешанное» ждать не будет.

Уимс нерешительно прочистил горло:

– Мистер Бидуэлл, надеюсь, вы проконсультируетесь со мной, прежде чем предпринять какое-нибудь серьезное изменение в политике?

Бидуэлл хмыкнул. Участники совещания потянулись к двери. Когда все вышли и дверь за ними закрылась, Бидуэлл нажал клавишу селектора:

– Ладно, пошли его ко мне.

Дверь открылась; худощавый юркий человечек на мгновение задержался на пороге. Прежде чем войти, он быстро обежал кабинет взглядом маленьких темных глаз, потом торопливым мягким шагом подошел к Бидуэллу и обратился к нему бесцветным монотонным голосом. Лицо его оставалось бесстрастным, за исключением подвижных звериных глазок.

– Вы хотели поговорить со мной?

– Да.

– О чем?

– Садись, потолкуем.

Пинеро встретил юную чету у дверей кабинета:

– Входите, дорогие мои, входите. Присаживайтесь, будьте как дома. А теперь скажите мне, что вы хотите услышать от Пинеро? Несомненно, столь молодые люди не должны особенно задумываться о последней переключке?

На открытом лице юноши отразилось легкое замешательство.

– Ну, видите ли, доктор Пинеро, меня зовут Эд Хартли, а это моя жена Бетти. Мы ждем – то есть Бетти ждет – ребенка, и... ну...

Пинеро ласково улыбнулся:

– Понимаю. Вы хотите узнать, как долго будете жить, чтобы возможно лучше обеспечить будущее своего ребенка. Очень разумно. Вы хотите провериться оба или только молодой человек?

– Мы оба хотим, – ответила девушка.

Пинеро улыбнулся ей своей сияющей улыбкой:

– Безусловно. Я с вами согласен. Правда, ваш случай представляет определенные технические сложности, но некоторую информацию я могу дать уже сейчас, а потом, после рождения ребенка, проверю еще раз. А теперь, дорогие мои,

пойдите в лабораторию, и мы приступим.

Он позвонил, чтобы принесли амбулаторные карты, потом провел посетителей в лабораторию.

– Сначала миссис Хартли. Пожалуйста, будьте добры, снимите обувь и верхнюю одежду там, за ширмой. И не забывайте, что я старый человек, а вы пришли на консультацию, как к врачу.

Он повернулся к аппарату и слегка подрегулировал его. Эд кивнул жене, та скользнула за ширму и через мгновение появилась вновь, одетая в два шелковых лоскута. Пинеро взглянул на нее, отметив про себя свежесть и трогательную стыдливость юности.

– Сюда, моя дорогая. Сначала придется вас взвесить. Вот так. Теперь встаньте на стенд. Этот электрод возьмите в рот. Нет, Эд, не надо прикасаться к ней, пока она включена в цепь. Это не займет и минуты. Не двигайтесь.

Он нырнул под козырек машины, и ее циферблаты ожили. Почти тут же он появился вновь, лицо его выражало озабоченность.

– Эд, вы прикасались к ней?

– Нет, доктор.

Пинеро снова исчез и на этот раз пропадал там немного дольше. Потом, предложив Бетти сойти с помоста и одеться, повернулся к ее мужу:

– Приготовьтесь, Эд.

– Ну что там у Бетти, доктор?

– Небольшое осложнение. Но сперва я хочу проверить вас.

На этот раз он вынырнул из-под накидки с еще более озабоченным видом. Когда Эд поинтересовался о причине беспокойства, Пинеро, пожав плечами, изобразил улыбку:

– Дело не в вас, мой мальчик. Очевидно, какая-то механическая неисправность. Так что сегодня я не могу вам ничего сказать. Мне нужно внимательно осмотреть аппарат. Не могли бы вы зайти завтра?

– Думаю, смогу. Мне очень жаль, что ваша машина испортилась. Надеюсь, это не очень серьезно.

– Ну конечно, я уверен. Не согласитесь ли вернуться в кабинет и немножко пообщаться со мной?

– Спасибо, доктор, вы очень любезны.

– Но, Эд, ведь я должна встретиться с Элен...

Пинеро призвал на помощь все свое обаяние:

– Может быть, вы подарите мне несколько минут, моя дорогая юная леди? Я уже стар и обожаю общение с молодежью. А бывать в компаниях молодых приходится очень редко... Пожалуйста...

И, подхватив Бетти под руку, он увлек их в кабинет. Потом приказал подать лимонад и печенье, предложил им сигареты, а сам закурил сигару.

Сорок минут спустя Эд все еще зачарованно внимал рассказу доктора о его юношеских приключениях на Огненной Земле, тогда как Бетти все больше нервничала и откровен-

но стремилась уйти. Когда доктор сделал паузу, чтобы раскурить потухшую сигару, она встала:

– Доктор, нам действительно пора уходить. Мы сможем дослушать вас завтра.

– Завтра? Но завтра на это не будет времени.

– У вас и сегодня нет времени. Ваша секретарша уже пять раз звонила.

– Что вам стоит уделить мне еще несколько минут?

– Сегодня никак не могу, доктор. У меня назначена встреча. Меня ждут.

– И вас невозможно переубедить?

– Боюсь, что невозможно. Идем, Эд.

Когда дверь за ними закрылась, доктор встал у окна и стал смотреть на город внизу. Вскоре он увидел две крохотные фигурки, вышедшие из здания, в котором размещалась его контора. Он смотрел, как они поспешно подошли к углу, подождали, пока загорится зеленый сигнал, и начали переходить улицу. Они были уже на половине пути, когда раздался вой сирены. Фигурки нерешительно остановились, подались было назад, снова остановились и обернулись. В следующее мгновение их сбила машина. Когда она наконец остановилась, то, что осталось позади, уже мало походило на человеческие фигуры, напоминая скорее беспорядочную груду тряпья.

Через минуту доктор отвернулся от окна. Потом он поднял телефонную трубку и сказал секретарше:

– Отмените все приемы до конца дня... Нет... Ни одного... Меня это не волнует, отмените их.

Потом он опустил в кресло. Его сигара погасла. И еще долго после наступления темноты он продолжал сидеть, держа в зубах незажженную сигару.

Пинеро расположился за столом и созерцал сервированный перед ним изысканный обед. Сегодня он выбирал блюда особенно тщательно и специально вернулся домой пораньше, чтобы без спешки насладиться ими.

Чуть позже он позволил нескольким каплям «Альпийской фиалки» оросить язык и тоненькой струйкой скользнуть в горло. От густого ароматного ликера во рту потеплело, и Пинеро вспомнил запах маленького горного цветка, подарившего имя напитку. Он вздохнул. Блюда были самые лучшие, утонченные, и они оправдывали этот экзотический ликер. Его размышления были прерваны шумом у входной двери. Протестующий голос его пожилой служанки прервал мужской. Потом звуки переместились в холл, и двери столовой распахнулись.

– Madonna! Non si puo entrare!⁹ Хозяин обедает!

– Пустяки, Анджела. У меня найдется время побеседовать с этими джентльменами. Можете идти.

Пинеро повернулся к стоящему впереди человеку с угрюмым лицом:

---

⁹ Пресвятая Дева! Вам сюда нельзя! (ит.) – Примеч. С. В. Голд.

– У вас ко мне дело, не так ли?

– Не сомневайтесь. Порядочные люди уже по горло сыты вашей чертовой чепухой!

– И что же?

Прежде чем посетитель ответил, из-за его спины вышел маленький, аккуратно одетый субъект.

– Мы можем начать. – Председатель комитета вставил ключ в замочную скважину и открыл ящик. – Венцель, помогите мне вынуть сегодняшние конверты.

Служитель коснулся его руки:

– Доктор Берд, вас к телефону.

– Прекрасно. Принесите аппарат сюда.

Когда телефон был доставлен, председатель поднес трубку к уху:

– Алло... Да. Говорите... Что?.. Нет, мы ничего не слышали... Разрушили машину, вы говорите?.. Мертв! Как?.. Нет! Нет, никакого заявления. Ничего вообще... Позвоните мне позже...

Он швырнул трубку на аппарат и оттолкнул его от себя.

– Что случилось?

– Кто мертв?

Берд поднял руку:

– Тише, джентльмены, прошу вас! Несколько минут тому назад в своем доме убит Пинеро.

– Убит?

– Но это не все. Одновременно какие-то вандалы ворвались в его контору и уничтожили аппарат.

Повисла тишина. Члены комитета молча переглядывались. Казалось, никто не мог решиться первым нарушить молчание.

Наконец один из них сказал:

– Достаньте его.

– Что?

– Конверт Пинеро. Он тоже там. Я видел.

Берд нашел конверт, медленно вскрыл и, развернув лежавший в конверте листок, пробежал его глазами.

– Ну? Что там?

– Час тринадцать минут пополудни – сегодня.

Они приняли новость в молчании.

Напряженное спокойствие было нарушено одним из членов комитета, сидевшим напротив Берда: он потянулся к ящику. Берд перехватил его руку:

– Что вы хотите сделать?

– Мое предсказание... Оно там... Все мы там.

– Да-да, мы все здесь. Давайте разберем их.

Берд возложил руки на ящик. Не произнося ни слова, он смотрел на человека, сидящего напротив. Берд облизнул губы. Уголок его рта дергался, пальцы дрожали. Но он по-прежнему хранил молчание. Человек напротив обмяк и откинулся на спинку кресла:

– Конечно, вы правы...

– Дайте вон ту корзину для бумаг. – Голос Берда был хриплым, напряженным, но твердым.

Взяв ее, он высыпал мусор прямо на ковер и поставил корзину перед собой на стол. Затем Берд разорвал полдюжины конвертов, поджег их спичкой и уронил в корзину. Потом он принялся методично рвать конверты и пригоршнями бросать обрывки в огонь. От дыма он закашлялся, из глаз потекли слезы. Кто-то встал и распахнул окно. Когда все было кончено, Берд оттолкнул корзину, взглянул туда, где она стояла, и сказал:

– Боюсь, я испортил столешницу.

Успешная операция

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для любого спичрайтера самое ценное слово по-английски – это короткое, малопривлекательное, односложное англосаксонское слово «нет!!!». Знаете, в чем заключается одна из особенностей отношения публики к профессии писателя? Никому не придет в голову, что таксист будет возить людей бесплатно, на рынке начнут раздавать продукты, а продавец фуфла станет выдавать это свое фуфло задаром, и при этом все, ничуть не смутившись, могут запросто просить у профи-писателя результаты его труда в подарок.

Такая наглость особенно характерна для любителей научной фантастики, в острой форме она встречается среди организованных фэнов, но в самой своей наихудшей форме распространена среди тех, кто выпускает фэнзины.

Следующая история появилась на свет вскоре после того, как я продал свой первый рассказ, – и возникла в результате того, что я еще не научился говорить «нет!».

Все, кто считает, что протокол неважен, никогда не

имели дела с кошками¹⁰.

Л. Лонг

– Как ты смеешь такое предлагать!

Главный придворный врач упорно стоял на своем.

– Я бы не осмелился, сир, если бы вашей жизни не грозила опасность. Кроме доктора Ланса, в отечестве нет другого хирурга, который мог бы сделать пересадку гипофиза.

– А я говорю, оперировать будешь ты!

Медик покачал головой:

– Тогда вы умрете, вождь. Моего искусства недостаточно.

Вождь стремительно закружил по комнате. Казалось, он вот-вот даст выход одному из тех истерических взрывов гнева, которых так боялись даже его приближенные. И вдруг он сдался.

– Приведите его сюда! – приказал он.

Доктор Ланс предстал перед вождем с присущим ему достоинством – достоинством и выдержкой, которую не смогли поколебать три года, проведенные «под защитой государства». Бледность и истощение выдавали в нем узника концентрационного лагеря; впрочем, люди его расы уже привыкли к притеснениям.

– Я понял, – произнес он. – Да, я понял... Я могу сделать эту операцию. Каковы условия оплаты?

---

¹⁰ Афоризм не входит ни в одну из книг о Лазарусе Лонге, герое многих сочинений Р. Хайнлайна. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Условия оплаты? – Вождь был потрясен. – Ты еще смеешь говорить об условиях, грязная свинья? Тебе дается возможность хотя бы частично искупить грехи своей расы!

Хирург поднял брови:

– Думаете, я не понимаю, что, будь у вас другой вариант, вы бы никогда не послали за мной? Но вам понадобилась именно моя помощь.

– Делай то, что тебе говорят! Тебе и таким, как ты, повезло, что вы вообще живы.

– Все равно работать бесплатно я не буду.

– А я сказал – тебе еще повезло, что ты жив... – В голосе прозвучала неприкрытая угроза.

Ланс молча развел руки в стороны.

– К тому же мне говорили, что у тебя есть семья...

Хирург облизнул пересохшие губы. Его Эмма... они могут сделать с ней что угодно... И маленькая Роза... Нет, он должен быть мужественным – таким, каким хотела бы его видеть Эмма. И он будет играть по самым высоким ставкам... ради них, и только ради них.

– Мертвым им не будет хуже, чем теперь, – твердо ответил он.

Прошло немало времени, прежде чем вождь убедился, что Ланса ему не сломить. Не стоило даже пытаться – хирург впитал мужество вместе с молоком матери.

– Какова твоя цена?

– Разрешение на выезд для меня и моей семьи.

– Скатертью дорога!

– Компенсация за имущество...

– Да подавись ты!

– ...выплаченная золотом до операции!

Вождь по привычке хотел возразить, но сдержался. Этот наглый кретин может думать все что угодно! Вразумить его можно будет и после операции.

– А теперь последнее... операция будет проводиться в больнице за рубежом.

– Но это нелепо!

– Я настаиваю!

– Так ты не доверяешь мне?

Ланс, не отвечая, смотрел ему прямо в глаза. Вождь ударил доктора – ударил сильно, по губам. Хирург даже не шевельнулся, чтобы избежать удара; он принял его, не дрогнув лицом...

– И вы действительно согласились на это, Сэмюел?

Молодой человек без страха взглянул на доктора Ланса и ответил:

– Да, согласился.

– Я не могу гарантировать, что вы оправитесь после операции. Гипофиз вождя поврежден, и ваше молодое тело может не справиться... Вы должны учесть такую возможность.

– Я все понимаю... но тогда я выйду из концлагеря!

– Да. Все верно. Если вы выживете, вас освободят. Я сам буду заботиться о вас, пока вы не будете готовы к путешествию.

Сэмюел улыбнулся:

– Да это же просто удовольствие – болеть в стране, где нет концлагерей!

– Тогда все в порядке. Давайте начинать.

Они вернулись к группе людей, которые нетерпеливо, но молча ждали их в другом конце помещения. Те мрачно отсчитывали сумму, на которую претендовал прославленный хирург, – все, до последней монетки. Вождь, пока это продолжалось, решил, что людям его веры не нужны деньги. Ланс сложил половину золотых монет в широкий пояс и обмотал им талию. Вторую половину спрятала у себя на дородном теле его супруга.

Через час и двадцать минут Ланс положил на стол последний инструмент, кивнул хирургам-ассистентам и стянул операционные перчатки. Бросив последний взгляд на двух пациентов, он покинул помещение. Скрытые бинтами, оба под стерильными покрывалами, они были неотличимы друг от друга, и неосведомленный человек ни за что бы не разобрал, кто из них диктатор, а кто заключенный. Хотя, если вдуматься, благодаря обмену крошечных желез в жертве сейчас была частица диктатора, а в диктаторе – частица жертвы.

Доктор Ланс вернулся в больницу в тот же день к вечеру, после того как устроил жену и дочь в отеле первого класса. Это было, наверное, лишним, учитывая неопределенность его перспектив в качестве беженца, но они так давно уже не жили по-человечески *там* – доктор в мыслях не называл свою страну «родиной», – что это было вполне оправданно.

В приемной он спросил о втором своем пациенте.

– Его здесь нет, – с недоумением ответил дежурный.

– Нет?

– Конечно нет. Парня увезли домой вместе с его превосходительством – обратно в вашу страну.

Ланс ничего не сказал. Сэмюела нагло надули, но помочь бедняге доктор ничем не мог. Он возблагодарил своего бога за то, что перед операцией предусмотрительно оградил себя и семью от вероломства диктатора. Хирург простился с дежурным и ушел.

К вождю возвращалось сознание. В уме все путалось, но он уже вспоминал события, которые предшествовали усыплению. Операция! Значит, она уже прошла! И он жив! Вождь никогда бы не признался в том, как страшил его исход операции. Но он выжил... он жив!

Он начал нащупывать шнурок колокольчика. Не найдя его, он заставил себя открыть глаза и осмотреться. Что происходит, черт бы их побрал! Как они посмели поместить своего вождя в такую конуру? Он с отвращением разглядывал

грязно-белый потолок и голый деревянный пол. А кровать! Да это же просто раскладушка!

Он крикнул. Кто-то вошел – человек в форме рядового из корпуса его личной охраны. Прежде чем отправить солдата под арест, он начал обстоятельно прочищать ему мозги. Но вождя внезапно прервали:

– А ну заткнись, мерзкая свинья!

Вождь онемел от изумления. Потом завизжал как резанный:

– Встань смиренно, когда обращаешься к своему вождю! Отдать честь!

Солдат сначала удивился, потом заржал:

– Может, так? – Он шагнул к раскладушке, встал по стойке смиренно и вытянул правую руку в воинском приветствии. В руке была резиновая дубинка. – Хайль, мой вождь! – проревел солдат и резко опустил руку вниз. Удар дубинкой пришелся вождю по скуле.

Привлеченный шумом, в комнате появился второй солдат. Первый все еще смеялся над своей шуткой.

– Что за дела, Джон? Знаешь, я бы не стал обходиться так грубо с этой обезьяной: он все еще значится в больничном списке.

Солдат равнодушно осмотрел окровавленное лицо вождя.

– С ним? Ты что? Не в курсе? – Он что-то прошептал товарищу на ухо.

Второй оскалился в ухмылке:

– Ах вот оно что! Значит, они не хотят, чтобы он поправился? Жаль, я не знал, а то бы уже с утра с ним позабавился... Давай позовем Толстяка, – предложил второй. – Он такой выдумщик по части забав!

– Хорошая идея. – Солдат подошел к двери и крикнул: – Эй, Толстяк!

Вождя они трогать не стали, оставили это дело Толстяку.

Взрыв всегда возможен¹¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Линия жизни», «Неудачник», «„Да будет свет!“», «Иноздесь», «Крысолов», «„Если это будет продолжаться...“», «Реквием», «Дороги должны катиться», «Ковентри», «Взрыв всегда возможен» – одиннадцать месяцев, с середины марта 1939 года до середины февраля 1940 года, я писал каждый день... и это положило конец моей кабале: «Взрыв всегда возможен» погасил остатки этой кошмарной ипотеки – на восемь лет раньше срока.

«Взрыв» – первая из моих историй, опубликованных в твердом переплете, в антологии Гроффа Конклинса «Лучшая научная фантастика», 1946 год. Тем временем случилась Вторая мировая война, Хиросима, «Доклад Смита» – так что я тщательно вычитал свою рукопись 1940 года, исправив некоторые цифры, о которых поначалу я только догадывался.

На этой неделе я сравнил две версии, 1940 и 1946 годов, слово за словом – между ними нет никакой разницы... за-

---

¹¹ По-английски в названии «Blowups happen» скрывается игра слов: «blowup» означает не только «взрыв», но и «психологический срыв». – *Примеч. С. В. Голд.*

то теперь, после тридцати трех лет экстремального развития этой сферы, я нахожу в версии 46-го года больше ошибок, чем я заметил в версии 40-го года, когда проверял ее в 46-м.

Я не намерен вновь переписывать эту историю, чтобы она соответствовала новым данным. Такое обновление не спасет плохой рассказ, и оно совершенно не нужно для хорошего. Все НФ-рассказы Г. Дж. Уэллса безнадежно устарели... и они остаются самыми лучшими, самыми захватывающими фантастическими рассказами, какие только можно найти в литературе. В моей повести «За этим горизонтом» (1941) утверждается, что у *homo sapiens* имеется сорок восемь хромосом – «факт», который «все знали» в 1941 году. Теперь «все знают», что «правильное» число – сорок шесть. Я не стану этого менять.

Последующая версия «Взрыв всегда возможен» в точности, слово в слово, соответствует тому варианту, что был написан в феврале 1940 года.

– Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом, который был частью тяжелой свинцовой брони, скрывавшей его тело, но в голосе явно слышалось нервное раздражение.

– Какого черта, док? – Гаечный ключ он по-прежнему сжимал в руке.

Они смотрели друг на друга, как два фехтовальщика в

масках, ожидающих, когда противник откроется. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

– Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из-за щита, который отделял пультовую от урановой бомбы к ним приблизилась третья бронированная фигура:

– В чем дело, док?

– Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначаетесь вы.

– Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, и он никак не прокомментировал ситуацию. Инженер-атомщик, которого подменил Эриксон, перевел взгляд с одного на другого, затем аккуратно положил гаечный ключ на место:

– Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери, его свинцовые башмаки громыхали по плиткам пола.

Доктору Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Возможно, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире – атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибка – в нужную сторону, ибо в этом деле промахи *не должны быть возможны*, потому что любой промах может привести к атомному взрыву двух с половиной тонн урана.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в сорок миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества, о двухстах миллионах авиационных бомб, самых больших из когда-либо использовавшихся. Но это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв такой бомбы – его пригласили для психологического тестирования армейских пилотов. Бомба оставила после себя воронку таких размеров, что в ней можно было спрятать многоквартирный жилой дом. Но он не мог себе представить взрыва тысячи таких бомб, а тем более сотни миллионов – его мозг пасовал.

Вероятно, инженеры-атомщики способны это вообразить. Возможно, с их выдающимися математическими способностями и более ясным пониманием процессов, происходящих в камере деления – бомбе, – они видят как наяву тот неопостижимый ужас, что спрятался за щитом. И если это так, нет ничего удивительного в том, что они постоянно срываются...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя, который он настраивал:

– Что случилось, док?

– Ничего. Мне жаль, что пришлось устранить Харпера.

Силард чувствовал на себе пронизательный взгляд невозмутимого скандинава.

– А вы, часом, сами не того, док? Иногда мозгоправы вроде вас тоже срываются...

– Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

– Я тоже, – сумрачно ответил Эриксон и вернулся к своей работе.

Жерло ускорителя пряталось за щитом, скрывающим бомбу, там из него извергался поток разогнанных до немыслимых скоростей субатомных «пуль» и падал на бериллиевую мишень, расположенную внутри снаряда. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий – в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы – как правило, нестабильные изотопы – в результате радиоактивного деления распадались на десятки других элементов, порождая прогрессирующую цепную реакцию.

Но эти вторичные цепные реакции были не столь важны, а вот первичное деление, когда раскалывались атомы урана, высвобождая связывавшую их энергию, чудовищную и невообразимую, двести миллионов электронвольт, – оно было самым важным – и самым опасным.

Когда изотоп урана-235 распадался под воздействием

бомбардировки нейтронами из внешнего источника, само его расщепление выделяло новые нейтроны, которые в свою очередь попадали в другие ядра атомов урана и вызывали их расщепление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуловимое мгновение, за долю микросекунды, перерасти в атомный взрыв, перед которым извержение Кракатау показалось бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил бы все известное человечеству, что представить его было немыслимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя осознать.

Но для работы атомной станции необходима была самоподдерживающаяся цепная реакция деления *почти на грани атомного взрыва*. Чтобы расщепить первое урановое ядро, бомбардируя его нейтронами из бериллиевой мишени, требовалось энергии больше, чем высвобождала смерть атома при первичном делении. Для того чтобы выходная мощность системы превышала потребляемую мощность в полезной пропорции, необходимо было, чтобы каждый атом, расщепленный нейтроном из бериллиевой мишени, в свою очередь вызывал расщепление еще нескольких.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно имела тенденцию к затуханию. Она не должна усиливаться, иначе вся масса урана взорвется – за столь малый промежуток времени, что его невозможно из-

мерить никаким способом.

Да и некому будет измерять.

Дежурные инженеры-атомщики, работавшие с бомбой, контролировали эту реакцию с помощью «триггеров» – слово, под которым подразумевались линейный резонансный ускоритель, бериллиевая мишень, контрольные приборы, распределительные щиты и источники питания. Иначе говоря, инженеры могли варьировать интенсивность бомбардировки бериллиевой мишени, чтобы увеличить или уменьшить выходную мощность установки. Приборы показывали, что внутренняя реакция затухает – или, точнее, что *затухала* мгновение назад. Люди не могли знать, что на самом деле происходит внутри бомбы *сейчас*, потому что скорость элементарных частиц слишком велика, а временные интервалы слишком малы. Инженеры походили на птиц, летающих хвостами вперед: они видели, откуда прилетели, но не ведали, куда летят.

И тем не менее инженер, и только он один, должен был обеспечивать высокую производительность бомбы и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не достигла критического уровня и не переросла в массовый взрыв.

Эта задача была за гранью возможного. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог использовать в работе все навыки и знания, полу-

ченные благодаря самому современному техническому образованию, он мог снизить риск до теоретического минимума, но слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют на субатомном уровне реальности, могли в любой момент вытащить из рукава туза и свести на нет всю его игру.

И каждый инженер-атомщик это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни других людей – возможно, жизни всех на этой планете. Никто не знал, какие последствия будут у такого взрыва. Наиболее консервативно настроенные ученые считали, что взрыв реактора не только уничтожит станцию со всем ее персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный участок родтауна Лос-Анджелес – Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, благодаря которой было выдано разрешение на строительство станции, основывалась на математических выкладках, доказывавших, что в начале реакции масса урана сама дезинтегрируется на молекулярном уровне, – таким образом процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет ее к взрыву.

Однако инженеры-атомщики в большинстве своем официальной теории не признавали. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как те того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не были

подтверждены экспериментом.

Но, даже придерживаясь официальной версии, каждый атомщик, заступая на дежурство, взваливал на себя ответственность не только за свою жизнь, но и за жизни множества других людей, – сколько их было на самом деле, лучше не думать. Ни один пилот, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь других людей, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомщики должны были обладать не только интеллектом и технической подготовкой, но также иметь соответствующий характер и чувство социальной ответственности. Для этой работы отбирались люди чуткие, которые могли до конца осознать важность доверенного им дела, – другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для того, чтобы такие чуткие люди могли нести его неопределенно долгое время.

Они вынуждены были работать в состоянии перманентной психологической неустойчивости. Их профессиональным заболеванием было безумие.

Доктор Каммингс наконец появился, застегивая на ходу пряжки защитной брони, непроницаемой для радиации.

– Что случилось? – спросил он Силарда.

– Пришлось устранить Харпера.

– Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт и так на меня зыркнул...

– Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс хмыкнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в броне, спросил:

– Кого мне сегодня опекать?

– Эриксона.

– Ну что ж, неплохо. Квадратные головы не сходят с ума, а, Гас?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело» – и снова погрузился в свои вычисления.

– Похоже, психологи не пользуются здесь особой популярностью? – проговорил Каммингс, снова обращаясь к Силарду. – Ну ладно. Смена принята, сэр.

– Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор, ведущий вдоль резервуаров с водой, которые окружали реакторный зал. Оказавшись за пределами этого внешнего щита в раздевалке, он снял свои громоздкие доспехи, бросил их в нишу и поспешил к лифту. Кабина лифта остановилась глубоко внизу – на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, закрыл герметическую дверцу, пристегнулся и откинулся на сиденье, приготовившись к ускорению.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета началь-

ника станции, в двадцати милях от реактора.

Собственно, промышленный реактор был выстроен в котловине, среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором, – административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное – располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «X»¹² когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай диссоциативной фуги, но бедняга ничего не мог с собой поделать – он был слишком озабочен своим состоянием, чтобы оставаться на дежурстве. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке проводил Силарда в личный кабинет начальника станции. Харпер был уже там и ответил на его приветствие с

---

¹² В оригинале на немецком и, вопреки правописанию, с маленькой буквы: «*der tag*». – Примеч. С. В. Голд.

ледяной вежливостью. Начальник станции, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение исчерпало его силы.

– Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

– А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

– Значит?

– Он, может быть, вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

– Совершенно верно.

Начальник станции бросил обеспокоенный взгляд на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

– Может быть, вы все-таки объясните, что произошло?

Силард тяжело вздохнул:

– Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя реакторного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, – это противоречило его прежней модели поведения.

Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я

заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный исключительно для клапанов водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из реакторного зала.

– Шеф! – воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: – Если бы этот знахарь мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился, чтобы проверить показания приборов!

Начальник станции вопросительно посмотрел на Силарда.

– Возможно, это правда, – упрямо произнес психолог. – Будем считать, что это чистая правда, но это не отменяет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки непредсказуемы, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Начальник станции Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

– Кэл, ты славный парень, и, поверь мне, я знаю, каково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно – тебе придется пройти все психометрические тесты и подчиниться решению врачей, каким бы оно ни было.

Он выжидательно замолчал, но Харпер хранил бесстрастное молчание.

– Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск на пару дней? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти тесты или просто перейдешь на другую работу, подальше от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобрительно кивнул. Но Харпера это предложение несколько не смягчило.

– Нет, шеф! – отрезал он. – Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слежке! Кто-то все время стоит у тебя за спиной *и ждет, когда ты рехнешься*. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь мозгоправ, сам наполовину съехавший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого от нас хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но смирение ему не очень-то шло.

– Ну и распрекрасно! Можете не вызывать санитаров, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, – прибавил он. – Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом – боль пряталась только в глазах.

– Подожди, Кэл, – сказал он. – Мы еще не кончили. Забудь об отпуске. Я перевожу тебя в лабораторию изотопов. Как-никак ты исследователь, и никто тебя от этой работы не освобождал. Если я поставил тебя на дежурство, то лишь по-

тому, что у нас не хватает первоклассных специалистов.

Что касается психологического контроля, – продолжал он, – то мне он так же неприятен, как и тебе. Ты, наверное, не слышал, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за вами, дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

– Однако такой контроль необходим... Помнишь Мэннинга? Хотя нет, он был здесь до тебя. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Мэннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало.

Я с радостью доверил ему нашу бомбу, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в реакторном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Мне стоило бы догадаться, что это очень скверный признак, но я не догадывался, и здесь не было психолога, чтобы мне подсказать.

А однажды ночью технику пришлось его вырубить. Он застал его в тот момент, когда Мэннинг демонтировал блокираторы на главном рубильнике. Бедняга Мэннинг так от этого и не оправился – у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того, как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе: в каждой смене два квалифицированных инженера и один психолог-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

– Может быть, оно и так, шеф, – задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. – Но тем не менее это черт знает что такое.

– И это еще мягко сказано. – Кинг встал и протянул Харперу руку. – Кэл, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно: я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психологу:

– Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

– Не знаю, – признался Силард, потирая щеку. – Черт возьми, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Наши психологи, кстати, тоже не очень-то хорошо себя чувствуют. Мы тоже нервничаем рядом с Большой бомбой... даже хуже – потому что ничего в этом не понимаем. И нас напрягает, что инженеры нас ненавидят и презирают. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

– Но ведь должен быть *какой-то* выход! – сказал он твердо.

Силард покачал головой:

– Это выше моих сил, начальник. Как психолог я не вижу выхода.

– Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый лучший?

– То есть?

– Ну, кто в вашей области является специалистом номер один?

– Трудно сказать. Естественно, никакого лучшего в мире психолога не существует – мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психолог-универсал, разбирающийся в редких нетравматических и ситуативных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

– Продолжайте.

– Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Это тот человек, который связал теорию оптимального тонуса с техникой релаксации, которую Коржибский разработал эмпирическим путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Коржибского, и это единственное, чем он по-настоящему гордится.

– В самом деле? Но ведь тогда он, должно быть, уже староват – Коржибский умер... Кстати, когда он умер?

– Я хочу сказать, что вы должны знать его работы в обла-

сти символики – теория абстракций, исчисление высказываний и тому подобного – благодаря их применению в инженерной и математической физике.

– Ах, *этот* Ленц – да, конечно, я о нем слышал. Но я никогда не думал, что он психолог.

– Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения пандемических неврозов, свирепствовавших в Безумные годы¹³, а он тогда сделал больше, чем многие, больше, чем любой человек, переживший это время.

– Где он теперь?

– Наверное, в Чикаго, в институте.

– Доставьте его сюда.

– То есть как это?

– Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажете Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустил в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри приятную теплоту, наполнявшую его лишь тогда, когда он принимал решение и начинал действовать. На его лице больше не было выражения усталости.

---

¹³ См. диаграмму «История будущего»: 1940–1970 гг. в книге Р. Э. Хайнлайн «Зеленые холмы Земли. История будущего. Кн. 1» (СПб., 2019). – *Примеч. С. В. Голд.*

Зато Силард был в смятении.

– Но послушайте, шеф, – попробовал он возразить. – Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это... Это же... это *Ленц*.

– Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. Он прилетит. Если понадобится нажать на него, подключите Вашингтон. Пусть ему позвонят из Белого дома. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело! – И Кинг вышел из офиса.

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он не стал ужинать на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадайз.

Парадайз, штат Аризона, представлял собой забубенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом – избавляли персонал станции от непомерных зарплат. В этом достойном занятии с ними охотно сотрудничали и сами работники станции, потому что в каждую получку им выдавали вдвое, а то и в десять раз больше, чем они когда-либо получали в других местах, и при этом никто из них не был уверен, что проживет достаточно долго, чтобы стоило откладывать деньги на старость. К тому же компания создала в Манхэттенском банке

пенсионный фонд для своих иждивенцев – так что можно было не скупиться.

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадайзе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадайз «самым большим маленьким городом в мире». На что фанаты Рено отвечали, что в городе, расположенном так близко к реактору, больше пахнет могильным холодом и загробной жизнью, чем райскими кущами, а потому более подходящим названием ему будут Адские Врата, а не Парадайз – райские.

Эриксон, не теряя времени, начал обход значных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадайза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы коллеги, что найдет его во втором или третьем по счету.

Он не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лэнси «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феррической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лэнси был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а его официантки были полностью одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца и спросил:

– А ну, сколько?

– Три, – отозвался Харпер. – Садись, Гас.

– Правильно, – одобрил Эриксон, уместя свое долговязое тело в низком кресле. – Ты в порядке... пока. Что стряслось?

– Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Думаю, Лэнс начал его разводить. Я спекся. Полностью и окончательно.

– Нет, Лэнс этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уползешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдаться? Мне казалось, ты решил наконец высказаться и разделать их под орех.

– Я так и сделал, – проворчал Харпер, – но, черт возьми, Гас, шеф прав! Если специалист по мозгам говорит, что ты рехнулся, он *должен* его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

– Да, может быть, шеф и прав, но наши дорогие психологи от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай поймаем одного и проверим, чувствуют ли они боль. Я буду держать, а ты – вышибать ему мозги...

– Брось, Гас! Выпей лучше.

– Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини – скоро ужин.

– Я тоже возьму мартини.

– Вот и хорошо. – Эриксон поднял свою белокурую голову и взревел: – Израфель!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю:

– Миста’Эриксон? Слушаю, са’ар.

– Иззи, два мартини. Мне – с итальянским вермутом. –

Он повернулся к Харперу. – А что ты будешь делать теперь?

– Лаборатория изотопов.

– Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть парочка идей.

Харпер посмотрел на него слегка удивленно:

– Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, сынок, ионосфера – это наш потолок, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать бомбу на корабле и придумать какую-нибудь штуковину, чтобы преобразовывать ее излучение в механический импульс. Но что это даст? Одна бомба, один корабль – и двадцать лет горной выработки в Литл-Америке¹⁴, чтобы собрать достаточно смолы для одной бомбы. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон не сдавался:

– Думаю, ты не учел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к

---

¹⁴ *Литл-Америка*. – По-видимому, имеется в виду район в Антарктиде, где находится база США. Или безлюдный район в Вайоминге. Или одноименное поселение в Иллинойсе. В любом случае Хайнлайн не стал бы называть реальные места добычи урановой смолки.

тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли – любой рейсовый стратоплан «Антиподов» можно было бы отправить на Луну... *если бы* у них было подходящее горючее. Но его нет.

А почему его нет? Потому что мы подвели ракетчиков, вот почему. Потому что они до сих пор зависят от молекулярной энергии, энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Это не их вина – старина Д. Д. Гарриман поручил «Рокетс консолидейтед» выкупить первый лот акций «Антарктик пичбленд» и сам лично взял большую долю, ожидая, что мы произведем что-то пригодное для использования в качестве концентрированного ракетного топлива. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

– Ты не совсем прав, – возразил Харпер. – Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиацию и атомный распад. Но первая – слишком медленна: энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в ракетном корабле. А вторым типом энергии мы можем манипулировать только в больших массах урана. Так что выхода нет.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке:

– Прошу вас, все готово!

– Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? – спросил Харпер.

– Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израфель. Он бросал кости картинным жестом, с поворотом запястья. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

– Иззи, а это те же самые кости? – спросил он.

– Мистер Харпер! – Лицо негра приняло обиженное выражение.

– Ну ладно, забудь, – вздохнул Харпер. – Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что ты хотел сказать, Гас?

– Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз нечто весьма соблазнительное в вечернем платье, которое словно стекало с пышной фигуры. Девушка была молода, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Мягко перелившись в кресло, она промурлыкала:

– Скучаете, мальчики?

– Спасибо за внимание, но мы не скучаем, – терпеливо и

вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: – Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло:

– Этот? Он бесполезен. Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем ни словечком не перемолвился. Если хотите знать, он уже тронулся.

– В самом деле? – равнодушно проговорил Эриксон, доставая пятидолларовую бумажку. – Вот, купи себе выпивку. Может быть, мы позовем тебя позднее.

– Спасибо, мальчики! – Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. – Просто спросите Эдит.

– Ханнинган и в самом деле плох, – согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. – И последнее время он жутко нелюдим. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

– Не беспокойся, – ответил Эриксон. – Здесь уже есть соглядатай. Видишь?

Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Тот сидел в дальнем углу бара и, чтобы не бросаться в глаза, вертел в руках высокий бокал. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером с Эриксоном.

– Да, ты прав, – пробормотал Харпер. – И он следит за нами тоже. О дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь

из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

– Пойдем отсюда, – предложил он. – Закусим где-нибудь в другом месте.

– Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лэнси.

– Вы уходите так рано, джентльмены? – спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему останется только закрыть бар. – Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить. – Он широко улыбнулся.

– Нет, Лэнс, сегодня никаких морепродуктов! – объяснил ему Харпер. – Скажите мне лучше другое: какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что бомба рано или поздно отправит вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови:

– Бояться бомбы? Да ведь она мой лучший друг!

– Делает вам деньги, не так ли?

– О, об этом я даже не думаю. – Де Лэнси доверительно наклонился к ним. – Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро заработать немного денег для семьи, пока рак желудка не прикончит меня. Но у врачей появились новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой бомбе, они излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь бомбы, мы с ней хорошие друзья.

– А что, если она взорвется?

– Господь Бог призовет меня, когда я ему понадобится, – ответил он и быстро перекрестился.

Выйдя из бара, Эриксон тихо сказал Харперу:

– Ты слышал? Вот тебе и ответ. Если бы все инженеры могли бы так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

– Не думаю, – проворчал он. – Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность несколько разочаровала начальника станции: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем с черными пронизывающими глазами и в рединготе. Но перед ним предстал невысокий, крепко сколоченный, почти толстый мужчина, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие, пороссячьи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже скошенный обезьяний подбородок был гладким и розовым. Одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. И без того немаленький рот Ленца, из которого неизменно торчал длинный мундштук, был постоянно растянут в широкой улыбке, выражавшей бесхитростное удивление перед всем злом, которое творят люди. Он явно получал удовольствие от своей ра-

боты.

Кинг обнаружил, что с ним удивительно легко общаться.

По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса. Начальник станции рассказал о первых атомных электростанциях, созданных после того, как Отто Хан в 1938 году открыл деление атомов урана, что проложило путь к атомной энергии. Но это была еще очень узкая тропинка: для того чтобы сделать процесс деления контролируемым и самоподдерживающимся, для того чтобы коммерчески использовать его результаты, требовалась огромная масса урана, намного большая, чем имелось в то время во всем цивилизованном мире.

Но пятнадцать лет спустя в древней скале, лежащей в основании Литл-Америки, были открыты огромные отложения урановой смолки. И это препятствие было устранено.

Месторождения были похожи на те, что ранее разрабатывались на арктическом севере Канады, у Большого Медвежьего озера, но они были настолько богаче, что стала очевидной возможность накопить достаточное количество урана для строительства атомной электростанции.

Спрос на коммерчески пригодную дешевую электроэнергию всегда превышал предложение. Даже панели солнечной энергии Дугласа – Мартин, которые использовались для движущихся дорог родтаунов того времени и для множества других промышленных целей, не могли удовлетворить постоянно растущий спрос. Они спасли страну от надвигающегося энергетического кризиса, когда уменьшился приток

нефти и угля, но их предельная мощность, равная приблизительно одной лошадиной силе на квадратный ярд освещенной солнцем поверхности, жестко ограничила максимум энергии, которую можно было получить из этого источника, в любой точке на карте, где бы она ни находилась.

Атомная энергия была не просто нужна – она была незаменима.

Но теоретическая атомная физика предсказала, что масса урана, достаточно большая, чтобы поддерживать свой собственный распад, могла поддержать его чересчур хорошо – мгновенно взорваться с такой силой, что, возможно, разрушит все творения рук человека на земном шаре и, предположительно, заодно уничтожит и само человечество. Никто не осмеливался создать бомбу, хотя уран был в наличии.

– Выход из тупика подсказала дестриевская механика бесконечно малых величин, – продолжал Кинг. – Его уравнения доказывали, что, если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из образовавшихся фрагментов тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло.

Для массы, которую мы используем в нашей бомбе, уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Конечно, и этого более чем достаточно для катастрофы: примерно сто сорок тысяч тонн тротила – такой взрыв опустошит половину шта-

та. Однако я совсем не уверен, что дело этим и ограничится.

– Зачем же вы согласились здесь работать? – спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе.

– Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете – *не мог*. Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность у физика выпадает один раз в жизни.

Ленц кивнул:

– И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если это вас убьет. А что касается этого Дестри, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

Кинг удивленно вскинул голову, но вовремя вспомнил, что перед ним человек, который довел до совершенства и дал математическое обоснование операционному исчислению.

– В том-то и беда! – согласился Кинг. – Его работа блистательна, но я не уверен, сбоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, – признался он с горечью.

Он рассказал психологу о трудностях работы, с которыми они столкнулись, и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

– Вначале я думал, что на них угнетающе влияет ка-

кая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь щиты. Поэтому мы усилили экраны и индивидуальную защиту, но это не помогло. Один юноша, который явился к нам уже после установки новых экранов, однажды вечером за ужином вдруг сошел с ума: он кричал, что свинья отбивная сейчас взорвется. Я боюсь думать, что было бы, если бы он сорвался во время дежурства!

Система постоянного психологического контроля намного снизила опасность, которая могла возникнуть из-за срыва у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: на самом деле количество неврозов после этого даже увеличилось.

– Вот так обстоят дела, доктор Ленц, – закончил он. – И с каждым днем они идут все хуже. И это начинает выбивать меня из колеи. Напряжение начинает сказываться и на мне: у меня постоянная бессонница и я уже не уверен, что могу полагаться на собственное суждение, – у меня начались проблемы с анализом ситуации и принятием решений. Как вы думаете, вы можете нам чем-то помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

– Не так быстро! – предупредил он. – Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет реальных данных. Мне надо немного осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это реально? Тогда, возможно, через несколько дней мы начнем понимать ситу-

ацию.

Кингу оставалось только согласиться.

– И очень хорошо, что ваши парни не знают, кто я такой. Пусть думают, что я ваш старый друг, физик, приехал по приглашению, хорошо?

– Да, конечно. Я позабочусь, чтобы такой слух прошел. Что же касается... – И тут Кинг вспомнил о том, что беспокоило его с того самого момента, когда Силард назвал имя Ленца. – Могу я задать вам личный вопрос?

Смеющиеся глаза Ленца остались невозмутимы.

– Да, пожалуйста.

– Меня, признаться, удивило, как вы смогли достичь вашего положения в двух таких разных областях, как психология и математика. А теперь, держу пари, вы с легкостью будете изображать здесь физика. У меня это просто в голове не укладывается.

Улыбка Ленца стала чуть шире, но в ней не было ни снисходительности, ни превосходства.

– Это одна и та же область, симвология. У вас узкая специализация, поэтому сей факт мог ускользнуть от вашего внимания.

– Я по-прежнему что-то не улавливаю.

– Нет? Человек живет в мире идей. Любое явление настолько сложно, что он не может постичь его целиком. Он абстрагирует определенные характеристики данного явления в форме идеи, а затем представляет эту идею в форме символа,

будь то слово или математический знак. Человеческие реакции – это практически полностью реакции именно на символы и лишь в незначительной степени – реакции на явления. На самом деле, – продолжал он, вынув мундштук изо рта, – можно легко продемонстрировать, что человеческий мозг мыслит исключительно символами.

Когда мы мыслим, мы позволяем одним символам оперировать другими в определенных условиях, заданных правилами логики или математики. Если выбранные символы структурно схожи с явлениями, которые они обозначают, и если операции с этими символами структурно и своей последовательностью схожи с тем, как происходят явления в реальном мире, значит мы мыслим здраво. А если наша логика-математика или наши словесные символы были выбраны плохо, мы мыслим безумно.

В математической физике вы стараетесь, чтобы ваши символы соответствовали физическим явлениям. В психологии я делаю то же самое, за исключением того, что меня больше волнует человек, который мыслит, а не явления, о которых он размышляет. Но это одна и та же область, и всегда ею была.

– Так мы ничего не добьемся, Гас.

Харпер отложил логарифмическую линейку и нахмурился.

– Похоже на то, Кэл, – неохотно согласился Эриксон. – Но

черт возьми, должен же быть какой-то путь к решению этой проблемы! Что нам нужно? Концентрированная и управляемая энергия ракетного горючего. Что мы имеем? Энергию атомного распада в бомбе, в большом количестве. Должен отыскаться способ, как удержать эту энергию и использовать по мере надобности. И ответ надо искать где-то в одной из серий радиоактивных изотопов. *Я уверен!*

Он сердито оглядел лабораторию, словно надеялся увидеть ответ написанным на одной из обшитых свинцовыми листами стен.

– Только не вешай носа! – сказал Харпер. – Ты убедил меня, что ответ должен быть. Давай подумаем, как его найти. Прежде всего – три серии естественных изотопов уже проверены, так?

– Так... Во всяком случае, мы исходили из того, что в этом направлении все уже проверено-перепроверено.

– Прекрасно. Остается предположить, что наши предшественники испробовали все, что зафиксировано в их записях, – иначе ни во что нельзя верить и надо все проверять самим, начиная с Архимеда и до наших дней. Может быть, так оно и следовало бы сделать, но с такой задачей не справился бы даже Мафусаил. Значит, что нам остается?

– Искусственные изотопы.

– Совершенно верно. Давай составим список изотопов, которые уже получены, и тех, которые возможно получить. Назовем это нашей группой или нашим полем исследова-

ния, если ты за точные определения. С каждым элементом этой группы и с каждой из их комбинаций можно произвести определенное количество опытов. Запишем и это.

Эриксон записал, пользуясь непонятными символами операционного исчисления. Харпер одобрительно кивнул:

– Хорошо, теперь расшифруй.

Эриксон несколько минут вглядывался в свои построения, потом спросил:

– Кэл, ты хоть представляешь, сколько величин получится при расшифровке?

– Не очень. Несколько сот, а может быть, и тысяч.

– Бери выше. Речь идет о десятках тысяч, и это без учета еще не созданных изотопов. С таким количеством опытов ты не справишься и за сто лет.

Эриксон угрюмо отбросил карандаш. Харпер посмотрел на него насмешливо, но доброжелательно.

– Гас, – мягко спросил он, – работа тебе тоже осточертела?

– С чего ты взял?

– Ты еще никогда ни от чего так легко не отказывался. Разумеется, мы с тобой никогда не закончим эту работу, но даже в самом худшем случае мы избавим от множества ненужных опытов кого-то другого. Вспомни Эдисона – шестьдесят лет бесконечных опытов по двадцать часов в день, а ведь он так и не нашел того, что искал! Но если он мог это выдержать, я думаю, мы тоже сможем.

Эриксон слегка воспрял духом.

– Наверное, сможем, – согласился он. – Может быть, даже нам удастся придумать какую-то методику, чтобы ставить несколько опытов одновременно.

Харпер хлопнул его по плечу:

– Узнаю старого бойца! А кроме того, нам ведь совсем не обязательно проверять все комбинации, чтобы отыскать подходящее горючее. Насколько я понимаю, на наш вопрос должно быть десять, а может быть, и сто правильных ответов. И мы можем натолкнуться на любой из них хоть сегодня. Во всяком случае, если ты будешь мне помогать в свободное от работы время, я не выйду из игры, пока не поймаю черта за хвост!

За несколько дней Ленц облазил весь завод и административные службы и успел примелькаться. Все привыкли к нему и охотно отвечали на вопросы. На него смотрели как на безобидного чудака, которого приходится терпеть, потому что он друг начальника станции. Ленц сунул свой нос даже в турбинный зал реактора, производивший энергию на продажу, и выслушал подробнейшие объяснения того, как энергия реактора превращается в электричество посредством ртути, пара и турбогенератора. Одного этого было достаточно, чтобы отвести от него последние подозрения, потому что местные психологи никогда не обращали внимания на прошедших огонь и воду техников отдела преобразования энергии. В этом не было нужды: даже явная психическая неуравнове-

шенность этих людей ничем не угрожала бомбе, да они и не испытывали убийственного гнета социальной ответственности. Здесь шла обычная работа, просто место тут было опасное, но к такому люди привыкли еще в каменном веке.

В свое время Ленц добрался и до лаборатории изотопов Кальвина Харпера. Он позвонил, подождал. Дверь открыл сам Харпер в защитном шлеме с откинутым забралом, – казалось, он напялил на себя какой-то дурацкий колпак.

– В чем дело? – спросил Харпер. – О, это вы, доктор Ленц. Вы хотели меня видеть?

– Собственно, и да и нет, – ответил старик. – Я просто осматривал экспериментальные корпуса, и мне захотелось узнать, что вы здесь делаете. Но может быть, я помешаю?

– Нисколько, заходите. Гас!

Эриксон вышел из-за щита, где он возился с силовыми кабелями лабораторного триггера, – здесь его роль играл модифицированный циклотрон, а не резонансный ускоритель.

– Привет! – сказал он.

– Гас, это доктор Ленц. Познакомьтесь – Гас Эриксон.

– Мы уже знакомы, – отозвался Эриксон, стаскивая перчатку, чтобы поздороваться: он раза два выпивал с Ленцем в городе и считал его «милейшим стариком». – Вы попали в антракт, но подождите немного, и мы покажем вам очередной номер. Хотя смотреть, по совести, нечего.

Пока Эриксон готовил опыт, Харпер водил Ленца по лаборатории и объяснял смысл их исследований с такой гор-

достью, с какой счастливый папаша показывает своих близнецов. Психолог слушал его краем уха, время от времени вставляя подходящие замечания, но главным образом приглядывался к молодому ученому, пытаясь обнаружить признаки неуравновешенности, о которых говорилось в его деле.

– Видите ли, – объяснял Харпер, не замечая пристально-го интереса Ленца к собственной персоне, – мы испытываем радиоактивные изотопы, чтобы вызвать такой же их распад, как в бомбе, но только в минимальных, почти микроскопических масштабах. Если это нам удастся, можно будет использовать нашу бомбу для производства безопасного удобного атомного горючего для ракет.

Он объяснил последовательность экспериментов.

– Понимаю, – вежливо сказал Ленц. – Какой элемент вы изучаете сейчас?

Харпер объяснил.

– Но дело не в элементе, а в его изотопах, – поправил его Харпер. – Мы уже испытали изотоп-два, и результат отрицательный. По программе следующим идет изотоп-пять. Вот этот.

Харпер взял свинцовую капсулу и продемонстрировал этикетку. Ленц увидел, что она и в самом деле помечена цифрой «пять». Потом ученый быстро прошел за щит, ограждающий мишень циклотрона. Эриксон оставил камеру открытой, и Ленц видел, как Харпер, предварительно опустив забрало шлема, раскрыл капсулу и манипулировал с по-

мощью длинных щипцов. Через минуту он завинтил камеру и опустил заслонку.

– Гас, как там у тебя?! – крикнул он. – Можно начинать?

– Пожалуй, начнем, – проворчал Эриксон.

Он выбрался из хаоса аппаратуры, и они зашли за толстый металлический щит, который заслонял их от установки.

– Мне тоже надеть защитный костюм? – спросил Ленц.

– Незачем, – успокоил его Эриксон. – Мы носим эти латы потому, что крутимся возле этих штуковин каждый день. А вы... Просто не высовывайтесь из-за щита, и все будет в порядке. Он из свинца, укрепленного восьмидюймовой панелью из закаленной брони.

Эриксон посмотрел на Харпера – тот утвердительно кивнул и впился взглядом в приборы. Ленц увидел, что Эриксон нажал кнопку в верхней части приборной доски, потом услышал щелканье многочисленных реле там, по ту сторону щита. На мгновение все стихло.

Пол затрясся у него под ногами в судорожных конвульсиях – ощущение было такое, словно вас с невероятной быстротой лупят палками по пяткам. Давление на уши парализовало слуховой нерв, прежде чем он смог воспринять немыслимый звук. Воздушная волна обрушилась на каждый квадратный дюйм его тела как один сокрушающий удар. И когда Ленц пришел наконец в себя, его била неудержимая дрожь – первый раз в жизни он почувствовал, что стареет.

Харпер сидел на полу. Из носа у него текла кровь. Эрик-

сон уже поднялся – у него была порезана щека. Он прикоснулся к ране и с тупым удивлением уставился на свои окровавленные пальцы.

– Вы ранены? – бессмысленно спросил Ленц. – Что случилось...

– Гас! – заорал Харпер. – Мы сделали это! Изотоп-пять сработал!

Эриксон посмотрел на него с еще большим удивлением.

– Пять? – недоуменно переспросил он. – При чем здесь пять? Это был изотоп-два. Я заложил его сам.

– Ты заложил? Это я заложил образец. И это был изотоп-пять, говорю тебе!

Все еще оглушенные взрывом, они стояли друг против друга, и, судя по выражению их лиц, каждый считал другого упрямым тупицей.

– Постойте, друзья мои, – осторожно вмешался Ленц. – Возможно, вы оба правы. Гас, вы заложили в камеру изотоп-два?

– Ну конечно! Я был недоволен последним прогоном и решил его повторить.

Ленц кивнул.

– Значит, это моя вина, джентльмены, – с сожалением признал Ленц. – Я пришел, отвлек вас, и вы оба зарядили камеру. Во всяком случае, я знаю, что Харпер это сделал, потому что сам видел, как он закладывал изотоп-пять. Прошу меня извинить.

Лицо Харпера осветилось, и он в восторге хлопнул старика по плечу.

– Не извиняйтесь! – воскликнул он, хохоча. – Можете приходить в нашу лабораторию и вот так отвлекать нас сколько угодно! Ты согласен, Гас? Вот мы и нашли ответ. Доктор Ленц подсказал его.

– Но ведь вы не знаете, какой изотоп взорвался, – заметил психолог.

– А, пустяки! – отрезал Харпер. – Может быть, взорвались оба, одновременно. Но теперь мы это *узнаем*. Орешек дал трещину, и теперь мы расколем его!

И он со счастливым видом оглядел разгромленную лабораторию.

Несмотря на беспокойство Кинга, Ленц не спешил высказывать свое мнение о сложившейся ситуации. Поэтому, когда он вдруг сам явился в кабинет начальника станции и заявил, что готов представить свой отчет, Кинг был приятно удивлен и испытал истинное облегчение.

– Ну что ж, я очень рад, – сказал он. – Садитесь, доктор. Хотите сигару? Итак, что вы решили?

Но Ленц предпочел сигаре свои неизменные сигареты. Он явно не спешил.

– Прежде всего, насколько важна продукция вашего реактора? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.